

Ван Дайси взглянул на Лю Чуна:

— Ранненому перевязку и остановку кровотечения ты делал?

— Да! — Лю Чун кивнул.

Ван Дайси постучал пальцами по столу, подводя итог:

— Время нынче особенное, некогда церемониться. Барышня, идите за мной.

Он увёл Чунь-эр в чистое помещение.

Вэнь Хао и Сун Шаоянь были приглашены присесть в гостиной, слуга подал им пиалы с крышками, наполненные необычным на вкус чаем из дикого боярышника и дикой хризантемы.

Вэнь Хао сделал несколько глотков подряд, прежде чем почувствовал, что висевшая до этого на волоске напряжённая атмосфера наконец немного разрядилась.

— Та девушка — твоя двоюродная сестра? Очень хорошенькая, похоже, это у вас семейное, — неожиданно произнёс Сун Шаоянь.

Вэнь Хао опустил чайную пиалу и напряжённо посмотрел на него:

— Ей всего девятнадцать лет, даже не думай строить какие-либо грязные планы.

Сун Шаоянь с улыбкой, в которой смешались раздражение и недоумение, покачал головой:

— Разве мы не встречались в кинотеатре «Готай»? Вы, батюшка, и впрямь человек знатный, а память имеет короткую.

Под этим подразумевалось: привлекают-то меня вовсе не женщины.

Вэнь Хао мысленно выругался: вот чёрт! Из-за царившей только что неразберихи он совершенно забыл, что Сун Шаоянь предпочитает мужчин.

Однако признавать поражение он не собирался и тут же с холодным смешком бросил:

— Вы, мажоры, давным-давно все испорчены до мозга костей, кто знает — может, ты и женской красотой прельщаешься, и мужской страстью увлекаешься, мастер на все руки с любого конца.

Эту фразу можно было назвать верхом бестактности, но Сун Шаоянь не только не рассердился, а даже рассмеялся и подался ближе:

— А знаешь, сейчас ты похож на западную черепаховую кошку, у которой шерсть дыбом встала и которая точит когти. Так и хочется протянуть руку, погладить тебя по голове, пригладить шёрстку, да боюсь — цапнешь.

В его интонации сквозило нечто невыразимо соблазнительное и порочное, и тем не менее это ничуть не противоречило изысканному облику Сун Шаояня. Закончив говорить, он нарочно или случайно легко дунул Вэнь Хао прямо в ухо.

Вэнь Хао почувствовал, как по всему его телу побежали мурашки, а душу вмиг захлестнуло тошнотворное ощущение тревоги. Он невольно вздрогнул.

Резко вскочив на ноги, он рявкнул:

— Ты что себе позволяешь?

Сун Шаоянь не спеша откинулся назад и, прищурив длинные соблазнительные глаза, с улыбкой окинул взглядом взъерошенного юношу. Голос его звучал всё так же безмятежно:

— Теперь и вовсе одно лицо.

— Ты... — Вэнь Хао потерял дар речи. До него вдруг дошло, что этот противный мужчина попросту водит его за нос.

Нельзя продолжать этот опасный разговор, нужно сменить тему.

В этот момент повеяло тонким ароматом: он был едва уловимым, но освежающим и невероятно приятным.

Вэнь Хао невольно подошёл к окну. За стеклом расстился пестрый сад: плакучие ивы свесили гибкие ветви, напоминающие зелёную дымку, а под ними пестрели всевозможные цветы — в эту пору розы и османтус как раз бурно цвели, соперствуя друг с другом в красоте.

Если вглядаться вдаль, лазурное небо казалось абсолютно чистым, чистым и прозрачным; вздымающиеся под ним горные хребты выглядели мощными и величественными, казалось, они совсем-совсем близко к небу.

Царящие здесь мир и покой, пение птиц и жужжание пчел резко контрастировали с суматошным временем.

Как было бы здорово, если бы однажды на каждом клочке суши по всему миру исчезли войны и порох, и повсюду стало так же красиво и безмятежно, как здесь.

Вэнь Хао невольно тихо прошептал:

— Персиковые цветы и воды ручья бесшумно уплывают прочь, здесь свой особый мир, неземной.

— Я уже предлагал вашему старику перебраться на южную гору Наньшань. Пейзажи здесь прекрасные, да и безопасно. Японские самолёты наверняка ещё не раз прилетят бомбить город, нельзя жить без подготовки к худшему, — будничным тоном произнёс Сун Шаоянь.

Вэнь Хао нахмурился и посмотрел на него:

— Эй, тот старик, о котором ты говоришь, — это генералиссимус? Как ты смеешь так называть его!

Сун Шаоянь пожал плечами и совершенно неискренне произнёс:

— Прошу прощения, я просто последовал местным обычаям. Разве вы все не так его зовёте?

— Местным обычаям?

— Забыл сказать, у меня американский паспорт, я гражданин США.

— Тогда почему ты сегодня был вместе с генералиссимусом?

— Он хочет пригласить меня на должность консультанта ВВС. — Сун Шаоянь окинул взглядом собственные руки, сохраняя прежний небрежный вид, словно обсуждал с Вэнь Хао погоду или другую банальную вещь.

Вэнь Хао чуть не подскочил:

— Ты? Да кто ты такой, чтобы тебя еще и «приглашать»!

Сун Шаоянь спокойно ответил:

— Не переживай, я отказался.

Вэнь Хао снова едва не подскочил:

— Отказался? Ты посмел отказаться? Ты что, совсем не считаешь себя китайцем с жёлтой кожей?

— Ну ты и странный человек, в словах ни логики, ни связности. Ты что, явился сюда поглазеть на меня да специально придираешься?

Тон, в котором читалось «да ты и мизинца не стоишь» и «какой же ты неблагодарный», начал выводить из себя и самого Сун Шаояня.

Вэнь Хао внезапно онемел.

Да, он понимал, что несёт чушь и бросается словами налево и направо, но всё это из-за пережитого сильнейшего потрясения.

Стоит ли говорить, что буря в его сердце бушевала вовсю, в голове грохотали гигантские волны, всё заволочло белой пеленой, смутной и призрачной.

Самые разные не поддающиеся описанию чувства одновременно захлестнули его душу: он испытывал и удивление, и сомнение, и зависть, и сожаление. И все эти сложные эмоции вызвал один лишь Сун Шаоянь — мужчина-загадка.

Даже старый шрам на левой плечевой мышце, который он до этого старательно игнорировал, теперь дал о себе знать, подливая масла в огонь и разболевшись с новой силой.

Вэнь Хао массировал мышцы на руке, погрузившись в задумчивость.

Расспросить его обо всём поподробнее? Однако Вэнь Хао чувствовал, что между ними лежит непреодолимая пропасть в общении: они оба питают друг к другу предубеждения, перечить этому человеку стало для него почти привычкой, да и тот, судя по всему, тоже едва ли переносит его общество.

Люди — существа до крайности сложные, до конца понять человека попросту невозможно. Если же упорствовать в этом деле, станешь друг другу чужим и вовсе потеряешь способность говорить.

При этой мысли Вэнь Хао тяжело вздохнул и повернулся, собираясь уходить.

— Ты куда? — спросил Сун Шаоянь.

— Схожу в центральный район, посмотрю, не нужна ли где-то помощь волонтеров.

Сун Шаоянь приподнял бровь:

— Какую помощь ты можешь оказать? Там найдутся те, кто всё уладит. А если не справятся — значит, такова их судьба.

Опять двадцать пять. Разве это человеческие слова?

Вэнь Хао уже твёрдо решил больше не вступать с ним в споры, но всё же не удержался и снова уколол его:

— Ну ты и бессердечный человек.

— Разве быть бессердечным плохо? Не радоваться вещам вокруг, не печалиться о себе. Я лишь жалею, что сам еще не достиг столь высокого уровня бесчувственности. К тому же, мы ведь только что плечом к плечу трудились вместе с тобой и твоей сестрой. Не находишь, что, ругая меня сейчас, ты выглядишь так, будто сбросил мост сразу после переправы?

— Да кому нужна твоя помощь!

— Вот я теперь и сам жалею.

— Ну так и продолжай жалеть, можешь не провожать. — Вэнь Хао сердито зашагал к выходу.

Сун Шаоянь окликнул его:

— А как же твоя кузина? Операция закончится, пожалуй, уже затемно, как она спустится с горы?

Вэнь Хао изобразил крайнее удивление:

— Разве ты её не проводишь? Оставить хрупкую девушку одну на дороге, где таится столько скрытых опасностей... Разве истинный гражданин Соединённых Штатов Америки способен на такое?

— А ты разве не боялся, что я стану строить всякие грязные планы?

— Господин Сун, разве мы не виделись с вами в кинотеатре «Готай»? — С этими словами Вэнь Хао больше не стал прощаться и гордо зашагал прочь.

Ха, наконец-то удалось взять реванш! Уголки губ Вэнь Хао слегка приподнялись. Он забыл упомянуть одну деталь: Чунь-эр с детства занималась боевыми искусствами, и если кто-то не

боится сломать себе рёбра, пусть попробует строить планы — он ведь и правда просто забыл об этом сказать, а вовсе не нарочно!

Время летело быстро, и вот незаметно наступило знойное лето. Ли Юньтун принёс Вэнь Хао весть: его приняли на работу, и он может хоть завтра приступать к обязанностям в Теюане.

Вэнь Хао, разумеется, очень обрадовался, но стоило Юньтуну обмолвиться, что с жильем в Теюане сейчас туго и вопрос этот придется решать самостоятельно, как на душе у него снова скребли кошки.

— Переезжай ко мне, отсюда не так уж далеко, — предложил Юньтун.

Вэнь Хао невольно хмыкнул:

— Это будет чересчур неудобно.

Юньтун, конечно, понял, на что он намекает:

— Не переживай, они уже съехали. Говорят, сочли дурной приметой, что улица перед нашим домом называется Иайчи — Аллея Памяти Любви. Эх, прожили-то всего чуть больше двух месяцев...

— Но куда же они теперь перебрались?

— Семейство Хуан с горы Наньшань пожертвовало Гоминьдану один из купленных ими ранее горных пиков. Ты же знаешь, семейство Хуан промышляет тёмными делами, так что там уже всё готово: и казино, и рестораны, и виллы с бассейнами, к тому же всё это скрыто в гуще зелени, стоит особняком на одинокой вершине — безопасность полнейшая. — Хорошо осведомлённый Юньтун выдал ему исчерпывающий ответ.

И впрямь перебрались на гору Наньшань. Вэнь Хао тут же вспомнил слова, сказанные тогда Сун Шаоянем.

Словно по телепатии, Юньтун вдруг произнёс:

— Пару дней назад я ел западную еду в Салливане и столкнулся там с Сун Шаоянем.

Сердце Вэнь Хао помимо его воли гулко ёкнуло:

— Он... он тоже обедал в западном ресторане?

Ресторан «Салливан» открыл два года назад, после падения Шанхая, некий господин Ван, который раньше работал поваром в шанхайском западном ресторане «Салливан». Его английские блюда и французский хлеб славились своей аутентичностью, и заведение пользовалось огромной популярностью у местных чиновников и богачей. Появление Сун Шаояня в таком месте не было удивительным.

Однако Юньтун ответил:

— Нет. Ты же знаешь, что банк Цзюйсинчэн находится как раз неподалёку от Салливана? Он пил кофе и о чём-то договаривался с хозяином Цзюйсинчэна, господином Яном. Судя по тому, с каким почтением тот держался, я бы сказал, что этот Сун — крупный клиент банка.

Вэнь Хао слушал без всякого интереса, чуть ли не зевая, и думал: о том, что у него куры не клюют денег, мы и без тебя знали, чего тут гадать.

Но Юньтун неожиданно сменил тему:

— А потом, заметив меня, он сам подошёл, подсел за мой столик и стал расспрашивать о тебе.

Услышав это, Вэнь Хао вытаращил глаза от крайнего изумления:

— Расспрашивал обо мне? С какой стати? И ты ему всё рассказал?

Юньтун развёл руками:

— Ну знаешь ли, перед какой важной персоной мы стоим? Разумеется, я как на духу выложил твоё имя, пол, дату рождения по гороскопу и краткую автобиографию.

Вэнь Хао с досады аж затопал ногами:

— Как ты мог!

Юньтун, похоже, не осознавал всей серьезности проблемы и продолжал подшучивать над ним:

— Ты что, боишься, что он положил на тебя глаз?

— Вовсе нет! В день бомбардировки мы с ним сильно повздорили. Уверен, он затаил обиду и теперь думает, как бы мне отомстить.

— Вэнь Хао, с твоим-то взрывным характером, спорим, первым оскорбил господина Суна именно ты?

Вэнь Хао аж задохнулся от обиды:

— Ли Юньтун, ты мне вообще друг или кто? — Он выложил всё как на духу — начиная с их случайной встречи на пароходе и заканчивая всеми событиями в Чунцине и на горе Наньшань. Он надеялся, что Юньтун разделит его мнение, распознает гнилую натуру Сун Шаояня, а затем они вместе ополчатся против него единым фронтом.

Однако, выслушав его, Ли Юньтун долго раздумывал, после чего выдал совершенно иную точку зрения:

— Мне кажется, вовсе не обязательно, что Сун Шаоянь — бессердечный богатеи с дурными помыслами.

— С чего бы это? — с возмущением спросил Вэнь Хао.

— Да хотя бы потому, что каждый его поступок идет вразрез с обычной логикой. Подумай сам: взять хотя бы ту историю на пароходе «Миньшэн», когда он приютил тех маленьких девочек. Какая ему от этого выгода? Они же совсем крохи, чтобы заставить их работать, придётся несколько лет кормить их даром, ни один дурак не станет заниматься столь убыточным делом.

— Может, он решил заранее вырастить себе наложницу помоложе, чтобы потом пожинать плоды?

Юньтун едва не рассмеялся:

— Третий молодой господин Лу, ты что, забыл, что этот человек совершенно не скрываясь водит мужчин слушать пекинскую оперу?

Вэнь Хао упрямо стоял на своём:

— Да любителей однополый любви пруд пруди, многие из них женятся исключительно ради прикрытия.

Юньтун поленился спорить дальше и продолжил:

— А та история с пожертвованием? Не забывай, он внёс больше всех.

Вэнь Хао усмехнулся:

— Деньги издавна лучшая притирка от вони. Такое бахвальство ради доброго имени любому по плечу.

— Списки же не публиковались! Хватит относиться к человеку с предвзятостью. По-моему, всё, что он делает, полно противоречий и покрыто тайной — это стоит хорошенько расследовать.

Если честно, всё, что перечислил в своём анализе Юньтун, Вэнь Хао и сам обдумывал: его любопытство к Сун Шаояню достигало вершины горы Сумеру и тридцати небес, но признаться в этом Юньтуну он не желал, поэтому просто отвернулся и замолчал.

Юньтун с детства рос в торговой среде, как никто умел читать по лицам и угадывать чужие мысли. К тому же Вэнь Хао всегда носил все эмоции на лице, а хитроумный, как лиса, Юньтун прекрасно видел, что тот дуется просто из-за того, что ему во всём перечат.

Тихо усмехнувшись, Юньтун неторопливо произнёс:

— Я тут навёл справки: Сун Шаоянь учился в Штатах, в Виргинском военном институте...

Вэнь Хао резко повернулся к нему:

— Правда?! — Виргинский военный институт в США — элитное учебное заведение высшего военного порядка, стоящее в одном ряду с Вест-Пойнтом. Порог поступления туда невероятно высок, и для белого человека сдать экзамены непросто, что уж говорить о желтокожих. Среди его выпускников целая плеяда выдающихся офицеров, а те редкие китайские генералы, кто окончил эту академию, одинаково сильны и в науках, и в военном деле, они невероятно талантливы.

Услышав это от Юньтуна, Вэнь Хао просто не мог не изумиться.

Однако в самый критический момент Юньтун решил поиграть на нервах. Он не спеша поднялся, поправил одежду и с загадочным видом выдал:

— Эх, история эта долгая. Знаешь что? Перебирайся ко мне, тогда я тебе всё-все расскажу.

Вэнь Хао чуть не задохнулся от злости, но поделать ничего не мог. Вся накопившаяся в горле обида в конце концов выплеснулась наружу потоком нервного смеха.

Он вспомнил, как в средних классах они с Юньтуном часто бегали в чайную у Цыцикоу слушать старика-сказителя, который сказывал «Сказание о семье Ян». Там храбрец Ян Бао мыкался по Мукэчжайскому лагерю, испив чашу горечи до дна, никак не мог добиться расположения Му Гуйин и добыть драконье дерево. И каждый раз, когда дело шло к развязке, старик со стуком опускал деревянный молоточек, бросал фразу «Хотите узнать, что было дальше — слушайте в следующей серии!» и уходил со сцены пить чай и болтать за жизнь, оставляя слушателей изнывать от нетерпения.

Вот и этот Юньтун умудрился перенять мастерство старого рассказчика, да ещё и превзойти

учителя — его умение дразнить аппетит было способно свести в могилу.

Уже после ухода Ли Юньтуна Вэнь Хао ещё долго злился и негодовал, но в конце концов пал под натиском собственного любопытства и принялся послушно складывать вещи, собираясь переселиться к закадычному другу.

Закончив с одеждой, он отправился в кабинет за своей печатью.

Отворив покрытый пылью книжный шкаф, он достал печать из самого верхнего ящика. Случайно подняв голову, он заметил на самой верхней полке несколько старых ниткошвных книг — он помнил, что их оставил дед, который в детстве строго-настрого запрещал им даже прикасаться к ним.

Вэнь Хао машинально снял одну из них и прочитал название: «Необычайные истории из неофициальных источников», автором значился некий «Хань Ц Сао», а на фронтисписе красовались полуобнимающиеся и целующиеся наполовину обнаженные мужчина и женщина. Тут до него дошло: оказывается, перед ним запрещенный эротический роман, неужто его прятали от детей.

Он невольно усмехнулся и, собираясь поставить книгу на место, наугад перелистнул страницы свободной рукой. Середина раскрылась на иллюстрации: с одной стороны красовалась весенняя картинка с совокупляющимися мужчинами, чьи ноги тесно переплелись, а два вздымающихся вверх мужских достоинства были выписаны с поразительной четкостью, в то время как на соседней странице как раз описывалась связь между мужчинами.

Словно одержимый чьей-то волей, он продолжил листать книгу.

Там было написано следующее... В молодости своей благодаря деньгам он изрядно заработал на одних только телесных утех... А дожив до зрелых лет, обнаружил, что спереди и сзади у него повырастали волосы, точь-в-точь как те заросли на горе Цзинцзилин в Си Ю Цзи — ни сдвинуть, ни сбрить: настоящая буйная копна сухой травы, с той поры милый дружок стал чужаком...

Прочитав всего пару строк, Вэнь Хао почувствовал, как его лицо заливают краска, тело прошибает леденящий озноб, и его едва не стошнило. Он торопливо вернул книгу на полку.

Прижав руку к груди, он ощутил, как сердце бьётся тяжело и часто, долго не желая успокаиваться.

Еще более странным было то, что прочитанные слова в его воображении преобразились в живые образы, и на месте тех сплетенных в объятиях фигур отчётливо проступало лицо Сун Шаояня!

Вэнь Хао отчаянно приказывал себе перестать думать об этом, но мозг, словно взбунтовавшийся солдат, помимо воли углублял фантазии, и в конце концов перед его взором предстал даже обнаженный торс Сун Шаояня.

— А-а-а! — внезапно завопил Вэнь Хао, не в силах больше терпеть, и отчаянно замахал руками в воздухе, словно пытаясь разогнать наваждение. Лишь после этого видения наконец рассеялись.

Проведя ладонью по лбу, он обнаружил, что рука влажна от холодного пота.

— Что со мной... вообще происходит?.. — бормотал про себя Вэнь Хао. Румянец на его лице долго не спадал, и хотя в кабинете не было ни души, он чувствовал себя вором, которого застали на месте преступления.

Он горько усмехнулся: эх, всё из-за того, что странные и ядовитые слова этого мужчины оставили слишком глубокий след в его памяти. Если поразмыслить, они ведь даже не друзья, так, шапочные знакомые, о чём тут вообще думать?

Вэнь Хао покачал головой, решив раз и навсегда выбросить имя Сун Шаояня из головы. Но даже в этот момент в его затуманенной голове уже зарождалось смутное предчувствие, что продолжать эти размышления было бы крайне опасно.

Глава четвёртая

Расположенный на берегу Цзялинцзяна Теюань представлял собой огромное поместье с зелёными черепичными крышами, красными стенами и буйной растительностью. Хотя здесь не было такой изысканной роскоши, как в лиуаньском саду семьи Ли, Теюань брал практичностью. С началом войны и перенесением столицы хозяин Теюаня, старик Сянь, всем семейством разделил тяготы военного лихолетья и благородно распахнул двери усадьбы, превратив её в убежище для многочисленных патриотов. Самым ценным было то, что в Теюане круглый год накрывали открытые столы — любой гость мог поесть в любое время.

После того как Вэнь Хао устроился сюда на работу, дни его потекли в напряжённых, но наполненных хлопотах. Единственным мелким неудобством было то, что время от времени здесь возникал «тайфун» из-за какого-нибудь другого рода «войны», вовлекая в свою орбиту совершенно посторонних людей.

Вот и сегодня несколько мужчин, имён которых Вэнь Хао не знал, но чьи лица казались смутно знакомыми, один за другим прибыли в Теюань и заперлись на тайный совет в усадебном здании под названием «Пинлу». Когда Вэнь Хао явился на службу, они только что вошли внутрь, а вскоре у стен усадьбы начали отираться какие-то подозрительные личности.

Ещё до поступления в Теюань Вэнь Хао слышал от Юньтуна смутные слухи о том, что семья Сянь симпатизирует коммунистам. Поэтому, когда члены компартии собирались здесь для

тайных встреч, хозяева придерживались принципа невмешательства и молчаливого согласия. Однако далеко не все разделяли их взгляды — отсюда и брались эти сомнительные молодчики, рыскающие у ворот.

В такие моменты Вэнь Хао испытывал смесь горькой усмешки и глубокой боли. Он ничего не смыслил в политике, но твёрдо знал одно: перед лицом национальной мести и родительской скорби любые вопросы веры и доктрин должны быть временно отброшены в сторону.

В этот момент к нему подошла госпожа Сянь:

— Секретарь Лу, вы хорошо знаете район Цзянбэй?

Вэнь Хао кивнул:

— В молодые годы частенько там бывал.

Госпожа Сянь прикрыла рот рукой, смеясь:

— Ишь ты, говоришь так, будто сам уже старик.

Вэнь Хао улыбнулся:

— У госпожи есть какие-то поручения?

Война состарила людей раньше времени. Если война была пожирающим жизни пламенем, то поле боя — истязавшим души чистилищем. И вернувшись оттуда, он действительно обладал сердцем куда более старым, чем его истинные годы.

— Не могли бы вы отыскать усадьбу семьи Жэнь? Ну, ту самую, где жил Жэнь Хуннянь, который лет двадцать назад был секретарём нашего чунцинского отделения Объединённого союза. Эх, благороднейший был человек, и учёный к тому же...

<http://bllate.org/book/21143/2144165>